

ТВОРЧЕСТВО ТВОРЧЕСТВО ТВОРЧЕСТВО ТВОРЧЕСТВО

15 июня известному поэту Борису Александровичу Ручьеву исполняется 84 года со дня рождения, а 16 июня его первому другу, поэту Михаилу Михайловичу Люгарину — 89 лет. Оба поэта-первостроителя оставили неизгладимый след в литературной истории Магнитки. Прожили они трудную жизнь, прошли испытания сталинскими лагерями, но выстояли, укрепились духовно и внесли достойный вклад в русскую литературу. Освет их поэзии еще долго будет озарять сердца людей.

Творчество М. Люгарина

«Гляжу на мир влюбленными глазами»

Михаил Михайлович Люгарин (Заболотный) родился 16 июня 1908 года на севере Казахстана в глухой деревеньке Святодуховке. Рос в казачьей станице Звериноголовской среди вольных трав, тихих раздумий и бездонной небесной сини:

*«Круглолицым рос, голубоглазым,
а в словах зеленела синева...»*

В 9 лет обнаружил стихотворный дар, первые наивные строки прятал от родных в бане и на чердаке. «Когда открылось сердце для поэта и растворились ворота души, в него проникла чистота рассвета, где спорят с ветром лихо камыши» (И. Воскобойникова). Люгарин рос в бедной крестьянской семье, рано потерял отца, но родная семья словно усыновила его, поэтому так любовно он относился к Руси:

*«Всего милей земная Русь,
она в ромашковой косынке,
ну что еще о ней сказать?
Она в такой небесной сини,
что эту синь не передать!»*

Михаил Михайлович был поэтом с негромким голосом, в его стихах блестит тихая речная заводь: «Речка, что плывет у огородов, на себя взвалила целый лес». Всплеск хрустальной волны и шорохи трав. Это поэт тишины. Он не скупится на яркие краски, он щедр. «У мороза — валенки со скрипом, у весны — зеленые носки...» Степи его плодородны, журавли — веселые трубаки. С губ поэта слетели строчки: «Соберу колосья для поэмы, золотые зерна для любви». Но прежде, чем заблестели в его стихах золотые зерна, пришлось пройти через уроки, преподнесенные жизнью, много учиться поэту закончил только три класса сельской школы, затем учился на Малеевских курсах, всю жизнь совершенствовал язык через книги и словари.

В 1929 году юный Михаил направляется в Москву к главному редактору журнала «Октябрь» Николаю Полетаеву, который, прочитав целый ворох люгаринских стихов, признал их слабыми. В 1930 году Люгарин вновь с чемоданом стихов едет в Москву, но не один, а с другом и земляком Борисом Александровичем Кривошековым, ставшим впоследствии известным поэтом Ручьевым. Полетаев лишь одобрил стихи 17-летнего Бориса, но не напечатал. Опечаленные друзья завербовались на Магнитострой.

*«Теперь я здесь —
в грохочущей столице,*

*здесь жизнь моя с другими
встала в ряд».*

Люгарину характерна безграничная тоска по родине. Не случайно он все одушевляет: камни с гор летят, как вспугнутые птицы, пестреют васильками гвозди. Уже в тридцатые годы поэтический голос Люгарина услышали известные писатели Л. Сейфуллина и Д. Бедный, посетившие Магнитострой. «Лидия Сейфуллина и Бедный счастья мне желали за стихи». Поэт публиковался в поэтических сборниках, журналах («За Магнитострой литературы»), в газетах «Магнитогорский комсомолец», «Магнитогорский рабочий» в качестве журналиста, очеркиста, публициста, поэта. Все взоры его были устремлены на строительство города, все его работы были пронизаны ритмами стройки.

Несмотря на то, что поэт мирно ткал золотую поэтическую рубашку Магнитки, его в 1937 году арестовывают с группой уральских поэтов, якобы, за пропаганду идей Бухарина. Три года тюрьмы. В 1947 году арестован вторично. Вновь пришлось стать первостроителем, но уже в качестве заключенного, Норильского медного комбината. Восемь лет.

*«Но я бывал за той чертой,
где летом солнце без заката,
пунцовый снег пушист, как вата...»*

Несмотря на ужасы эпохи, поэт воскликнул:

*«Незгодам, бедам и обидам —
всему пойдю наперерез,
моя жар-птица не убита,
я сам тот охраняю лес».*

Михаил Михайлович остался хрустальным поэтом, жизнелюбом, который глядел на мир влюбленными глазами. Поэтому сладко перечитывать его книги, со страниц которых он дарит колокольчиковый, ромашковый, васильковый свет, чтобы меньше было грустных людей.

9 февраля 1993 года перестало биться большое и тревожное сердце первостроителя, поэта и жизнелюба М. М. Люгарина. На его письменном столе так и остались лежать рукописи, запыленные лекарством, наручные часы застыли, а стихи живут и пульсируют, продолжая время и жизнь поэта на новом круге.

*«Не зарастут ли тропы лебедей,
где я прошел, где потрудились руки».*

Так говорит поэт с душою ребенка, глядящего на мир «влюбленными глазами».

И. ВОСКОБОЙНИКОВА.

Римма ДЫШАЛЕНКОВА

1997 год — Год горного хрусталя

*В помощь сумеркам,
в помощь приметам,
в назидание мутным потокам,
как Сатурн, полный лунного света,
поднимается горный хрусталь.*

*Шесть планет материнского лона
он подвинул усилием духа,
но коснулся седьмого предела
и прозрачной слезой засверкал.*

Столб и лампа

Басня

*Случилось,
столб с электролампой поругался.
Такими он словами выражался,
что лампа то бледнела,
то краснела,
да так, что от стыда
чуть не сгорела.*

*Ну, ладно, было бы за дело...
А то кричит:
«Висишь на мне уж столько лет,
а нужен ли кому твой свет?»*

*И кто додумался
связать меня с тобою?
Из-за тебя не стало мне покоя!*

*Лишь думаю с ночи
немножко отдохнуть,
как лезут, чтоб тебя ввернуть.
Бывает, из рогаток
по тебе стреляют,
но больше мне и попадает...»*

*Здравствуй,
отпрыск Луны и Сатурна.
Здравствуй, камень, — жилище Бога.
Ты — прозрачен, и это правда,
правда звезд, переключки нецер.*

*В час, когда затмеваются Солнца,
в год, когда угрожает комета,
подрастают себе кристаллы,
достигают прозрачных сфер.*

Михаил ХУТОРМАНОВ

*«Да если бы не я, —
тут лампа отвечала, —
тебя бы здесь*

*и не стояло!
А коль тебе я наддела,
то я найду себе другое дело:*

меня давно зовут в подвал...»

И вот недавно я узнал,

*что столб в потемках
сииб какой-то самосвал,*

*а лампочку,
что спряталась в подвале,
украли пацаны,
на жвачку обменяли.*

*Похожее случается и с нами,
когда в горячке
связи рвем с друзьями.*

Эвальд РИБ

Отцу

*Чуть больше, чем полвека,
тебя уж нет со мной,
а годы человека
бегут в туман речной.
Теряются предметы,
полин души весной...
Твои все капли света
искрятся надо мной.*

Матери

*Как себя ты обделяла
хлебушком в войну,
а остатки мне совала,
проводив ко сну.
Помню, как меня искала
среди гор, полей,
расступались даже скалы
от любви твоей.
Со стены глядишь сквозь раму,
стоя у дорог...
Без тебя сегодня, мама,
ничего б не смог.*

Романе

*Пусть память снова
в детство уводила,
где край родной подснежник подарил.
Меня ты, Волга, может, не забыла,
о чем мечтал я часто до зари?*

*Знать, сердце просто больно
не забилось,
знать, не забыть тебя мне,
хоть умри.
Меня ты, Волга, верю, не забыла,
о чем мечтал я часто до зари.*

*А сколько раз ты мне
все годы снилась?
Твой огонек в душе не отгорит...
Меня ты, Волга, знаю, не забыла,
о чем мечтал я часто до зари.*

Побежденный страх

Борису Ручьеву

*Вспомнил школьную девчонку,
что лишь улыбалась мне,
напевала песни звонко
вечерами по весне.
Не забыл, что помянуть должен,
где не гаснут чудеса,
не забыл цветы Поволжья,
материнские глаза.
Помню, где святое место,
помню, где в стране размах,
Сталин мне в цветущем детстве
подарил секретный страх.
Чтоб о нем — никто не ведал,
чтоб о нем — никто не знал,
чтоб вождя — нигде не предал
и работой восхищал.
Да язык чтоб за зубами
спрятал раз и навсегда.
Пионером наше зная
целовал я иногда.*

*Всю войну глотал я слезы
вместе со своей страной,
и российский березы
пели песенки со мной.
Как сроднились мы мечтами —
я заговорил в стихах...
Только с ними и с друзьями
победил секретный страх!*

Стукач

*Как иногда фальшивый факт
поранить может душу?...
К нам, кажется, заходит гад,
что нас давненько сушит.*

*На вид — веселый и горяч,
улыбчивый мечтатель,
мы думали, что он стукач,
а был он — наш спасатель.*

*И я махнул ему рукой,
сказал, что именинник.
Я радовался: предо мной
стоял стукач-дружинник.*

*Он пишет характеристики,
а стукачок — доносы,
кем был я весь обвистанный,
изранили вопросы.*

*Еще тот, мерзкий, не погиб,
еще живет в народе.
Нас защищает новый тип —
стучаки другого рода.*

*Пока непризнанный герой
спасает неудобных...
Березы плачут за горой
от чьих-то ветров злобных.*

А. Солженицыну,
В. Ростроповичу.

*Всякое бывало
в нашей жизни душею.
Партия сгибала
с хрустом непослушных.
Не такой бы масти,
чтоб уйти в могилу.
При советской власти
вас не защитили.
Все мы понимали,
но душой беднели,
а умом — молчали,
пред собой — краснели.
В сылке мать стонала —
мор был в тюрьмах душевых...
Партия сгибала
с хрустом непослушных.*

***

Михаилу Люгарину

*Любил, любил я с вами выступать,
разговаривать о жизни с вами...
Как вы меня умели понимать,
всех людей, исхлестанных ветрами.*

*Дарили мне вы крылья и мечты,
на земле теперь без вас страдаю
и признаюсь — от вашей доброты
я еще никак не отцветаю.*